

ДАНЯ

Санки везет папа, а в санках сидит закутанный в одеяло Даня. Он глядит на дорогу и на холодное солнышко. Снег так весь и сверкает, даже глядеть нельзя. Но Даня все равно глядит. Даня, Данилка, Даниил. Как только его не называют, и все по-разному. Правда, он совсем еще маленький— такой, что даже не все буквы выговаривает. Даже в школу не ходит, а ходит в совхозный детсадик. Вернее, его увозят туда в санках. Увозят на всю неделю, а в субботу снова домой привозят. Сегодня ночью будет Новый год, и папа везет Даню домой.

— Даня, Даня! — кричит с горы третьеклассник Борис.— Беги, Даня, сюда!

Но Даню, конечно, не отпустили на гору. Вдруг папа встретился с директором совхоза.

— Опять на третью ферму концентраты не подвезли! — сердито сказал директор.

Папа тоже почему-то заругался, потом вынул Даню из одеяла и велел идти домой.

— Ножками? — спросил Даня.

Папа ничего не сказал и опять заспорил с директором. Пришлось идти одному, хотя до дому было еще порядочно. Даня долго перешагивал уроненную на дорогу жердь и чуть-чуть не чебурахнулся. Но вот, наконец, и родное крылечко. У Дани сердце замерло, как на качелях. Сейчас он маму увидит. Только сначала валенки надо веником обмести. Р-раз, р-раз — и все! Ух, и здорово топает Даня своими новыми валенками! Дотянуться-то дотянулся, а двери все равно самому не открыть.

— Эх ты, карандаш! — засмеялся отец и открыл дверь. И сразу Даня маму увидел.

— Мама! Мама! — закричал он и чуть не заплакал: уж очень он ей обрадовался.

А мама откинула полотенце, которым она обтирала чайную посуду, и так прижала Даню к себе, что у него даже косточка какая-то хрустнула. Долго она его не отпускала.

Хорошо дома. Половики настланы по белому полу, кот Жмурик спит. Лапы свои вытянул и знай себе спит. Новые занавески мама повесила, печка топится и трещит, а Даня сидит у печки и ест пряник. Жмурика он сразу разбудил, и тот трется о Даню и мурлычет. Мама гладит платье, отец газету читает, и мама слушает, что папа рассказывает. Чего-то про ферму, про концентраты.

— Вот, Даня, папу-то опять ругают,— сказала она, а Даня подошел к отцу и серьезно произнес:

— Нельзя, папа, в штаники писать!

— Да нет, его не за это ругают! — засмеялась мама. Даня вытащил из-за комода ящик с игрушками. Вот он, Мишка, с одним стеклянным глазом. И пожарная машина не заводится. Лягушка-квакушка пока заводится, но Даня еще прошлый раз уронил в щелку заводной ключик...

— Папа, достань ключик.

— Даня, иди сюда, не мешай папе,— говорит мама. Даня подошел и обжег палец об утюг. Сразу стало больно и захотелось реветь.

— Знаешь, я сейчас принесу тебе елочку из кладовки,— сказала мама.— Хочешь елочку?

Конечно, Даня хотел. Мама надела пальто и без платка вышла в сени. Она принесла небольшую елочку.

— Во какая! — восхищенно сказал Даня про елочку. Она была чуть побольше Дани, пахла зимой и лесом.

Даня потрогал ее за ветку. Колется! И начал прыгать на одной ноге, а мама обернула конец елочки бабушкиной фуфайкой и вложила в большое ведро. Теперь елочка стояла и не падала. Мама взяла из шкафа коробку с прошлогодними украшениями. У Дани даже дух захватило, какие были красивые шары. Целый год лежали, а ничего им не сделалось. И петух с красной бородой, и лиса на веревочке, бусы — все тут было!

Мама разукрасила елку и поставила у дивана в маленькой комнате, но Дане все равно захотелось еще чего-то. Он сложил в ящик старые игрушки и направился в большую комнату.

— Ты чего, Даня? — спросила мама.

— Пошел на обед.

Мама долго прижимала его к себе, и смеялась, и пела про Волгу.

Уже протопилась печка, Жмурик опять лег спать, а Нового года все не было. Даня запросился на улицу, и мама опять надела на него пальто и валенки.

— Гляди, Даня, за калитку не бегай!—сказала она, сняла с веревки выстиранное белье и ушла в дом.

— Ох, и снегу на улице! Уже почти вечер, солнышко село, а снег все равно белый. Только тропинки к воротам не белые — наверно, от валенок. Весь поселок дымит тоже белым и пушистым дымом. Репродуктор у конторы кричит на морозе, ребята на горе катаются на лыжах, Борис тоже там.

— Иди сюда, Даня! — крикнул он.— Чего стоишь, иди сюда!

Но Дане туда нельзя. Тогда Борис подъехал к нему сам. Даня так и уставился на его настоящие лыжи.

— Даня, ты на кого будешь учиться? — спросил Борис.

— На папу. А ты?

Борис, опершись на палки, долго глядел на красную далекую зарю. Он сдвигал и раздвигал свои брови.

— Даня,— зашептал он,— я буду скоро лунатиком. Хочу стать лунатиком. Буду ходить по проводам и по крышам. Все лунатики по крышам ходят. Бабушка говорит, если будешь на луне спать, обязательно будешь лунатиком. Она занавеску на окно повесила.

Даня слушал очень внимательно.

— ...хочу ходить по крышам. Я уже хотел раз поспать на луне, да спать уж больно хотелось. А сегодня обязательно не просплю и отодвину занавеску. Чтобы луна прямо в окошко светила...

— А моя бабушка летом придет,— сказал Даня.— Моя бабушка — это мамина мама. Когда я большой буду, я ей заводные тапки куплю. Она толстая, у нее ноги тихо ходят.

— Тапки? — спросил Борис,— Таких и не продают. Где ты их купишь?

— В купилке.

— Не в купилке, а в магазине,— поправил Борис.

— В магазине,— как эхо, повторил Даня.

Вышла мама, ласково взяла Даню на теплые руки и унесла, а Борис тоже поехал домой. Над поселком зажглась яркая зеленая звезда, вдалеке, у конторы, проурчала машина, в домах загорались новогодние огни. Даня, засыпая, думал о бабушке, о заводной лягушке-квакушке и о Борисе, который хочет ходить по крышам.

— Мама, а я тоже буду лунатиком?

— Будешь, будешь. Спи, милый.

Он засыпал, этот счастливый Даня, а мама сидела рядом на диване и рассказывала сказку про тетерева и про лису. В большой комнате горел свет, а здесь елочка мерцала своими шарами у самой головы, и Жмурик тоже был рядом. Глаза у Дани сами вдруг закрылись, и мама поцеловала его в щеку.

— Спи, маленький, спи.

«Мама, ты куда не уйдешь?» — хотел спросить Даня, но не успел и сладко заснул. Ему снился детсадик и пушистый морозный снег, но не белый, а голубой. Жмурик пошел по этому снегу, оглянулся на Даню и исчез в снегу. Легкая и далекая тревога чуть кольнула Данино сердечко, но ему уже снился медвежонок с одним стеклянным глазом и елочка с голубыми шарами.

Вдруг Даня вздрогнул во сне. Вздрогнул от ночной тишины, открыл глаза и проснулся.

— Мама,— с надеждой позвал он.

В комнате было тихо, ему никто не отвечал.

— Мама!— уже со слезами в голосе крикнул Даня и вскочил.

В одних трусиках, босиком, натыкаясь на что-то, он пошел в большую комнату. Но ни мамы, ни папы там не было, лишь белела под луной неразобранная кровать. И он заплакал, сначала тихо, потом все громче и громче.

С улицы в окна сочился призрачный снежный свет, на стеклах мерцали звездочки инея, за печкой тяжело ходил кот, и мамы нигде не было. Дане стало совсем горько, одиноко и страшно. Все его забыли, только в темноте тикал будильник. Вздрагивая всем тельцем и плача навзрыд, он с трудом влез на кровать и закричал:

— Мама, мамочка!

И опять ему никто не ответил! Светила в окошко луна мерцал иней на стеклах, и кот ходил в темноте, но Даня уже не слышал, как он ходил. Даня зашелся в плаче, захлебнулся и задрожал, как от холода.

Сколько времени проплакал Даня? Может быть, до самого Нового года, может, не до самого. Измученный тревогой, совсем обессиленный одиночеством, он заснул на неразобранной кровати.

Квадрат, освещенный новогодней луной, уже передвинулся далеко в сторону, когда за окном стукнула калитка. Вошла с улицы мать, веселая, краснощекая. Она сняла пальто, подошла к дивану и ахнула, кинулась в большую комнату.

— Даня! Где Даня?!

А отец уже стоял над сыном, который, свернувшись крохотным калачиком, ногами в изголовье спал поверх покрывала.

— Даня, маленький, ну что ты? — мама осторожно взяла Даню на руки.

Он вздрогнул, будто отголосок страшной ночи опять зазвучал в маленьком сердечке. Не открывая глаз, прижался к матери, крепко обхватил ее за шею.

— Мама, мама миленькая, ты пришла?

От мамы пахло вином, снегом и еще чем-то, может быть, луной. Даня снова был счастливым, снова мерцала шарами елочка, и снова Жмурик мурлыкал ему свою сказку.

И Даня опять заснул, теперь уже счастливее всех на свете.

За окном морозное облачко окутало тихую новогоднюю луну, совхозный поселок белел пушистыми крышами. В комнате было тепло, елочные шары тихо звенели на колючих ветках. Даня дышал глубоко и счастливо.

Ты спишь, Даня? Твои страхи велики, но забывчивы, твоя тревога ушла, и мама сидит в твоём изголовье, а ты летаешь во сне, потому что растешь. Ты будешь ходить по крышам, ты будешь летать по небу, ты увидишь луну. Когда-нибудь ты пройдешь по золотой лунной кромке так же, как сейчас Новый год идет по большой тревожной Земле. И синий громадный шар этой Земли будет светить тебе издалека.